

ГУМАНИТАРИСТИКА КАК ОСНОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА*

Вопрос о роли гуманитарной образованности в развитии человеческого капитала не может быть сведен только к интеллектуальным машиноморфным способностям. Существенную роль здесь играют те факторы, которые наиболее адекватно описываются в терминах классической гуманитарной образованности. В человеческом капитале мы имеем дело с качествами человека, опирающимися на две аксиологические системы: комплекс ценностей новоевропейской цивилизации и комплекс ценностей «осевого времени». Противоречия этих двух комплексов внутри человеческого капитала обнаруживаются в конфликте призвания и профессии, где призвание возвращает вновь свой полновесное значение и предполагает в человеческом капитале трансцендентный момент. Призвание предполагает духовный аристократизм и гениальность субъектов творчества, а также культивирование интеллектуальной смелости субъектов творчества.

Ключевые слова:

гениальность, гуманитаристика, духовная смелость, духовный аристократизм, новоевропейская цивилизация, «осевое время», призвание, профессия, человеческий капитал.

Султанов К.В., Пигров К.С. Гуманитаристика как основание человеческого капитала // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 4. – С. 128–133.

© Султанов Константин Викторович – заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: child2000@bk.ru

© Пигров Константин Семенович – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: kspigrov@yandex.ru

Задачей статьи является постановка вопроса о роли гуманитарной образованности и прежде всего философии в функционировании и развитии человеческого капитала. Человеческий капитал, как известно, – это интенсивный производительный фактор экономического развития, развития общества и семьи [9; 17; 18]. Обычно в нем подчеркивается тот момент в трудовых ресурсах, который связан со знанием, с владением инструментарием интеллектуального и управленческого труда. Человеческий капитал предполагает экспликацию тех моментов, которые формируют эффективную среду обитания и трудовой деятельности, выявление факторов, которые обеспечивают эффективное и рациональное функционирование человеческого капитала как производительного фактора развития. Данная сравнительно недавно разработанная экономическая категория обнаруживает и существенные философско-антропологические, а также историософские стороны, на некоторые из которых мы хотели бы в данном анализе обратить особое внимание. Человеческий капитал не может быть сведен только к интеллектуальным машиноморфным способностям. Существенную роль здесь играют трудно улавливаемые факторы, которые

описываются в категориях классического философствования и в терминах классической гуманитарной образованности. Гуманитаристика, представлявшаяся Гегелем как абсолютный дух, включающий искусство, религию откровения и философию [6, с. 328–410], и являет собой самое существенное в человеческом капитале. Говоря о человеческом капитале, мы в данной работе пытаемся обратиться к таким сторонам человеческого поведения, которые, будучи высшими проявлениями эмоционально-волевой и интеллектуальной сферы, например, – с дружбой и с любовью, – были сформированы в своих фундаментальных основаниях не на основе аксиологической системы новоевропейской цивилизации, а ещё в условиях «осевого времени» [16, с. 28–29]. Соответственно в человеческом капитале мы имеем дело с качествами человека, которые опираются на две аксиологические системы: комплекс ценностей новоевропейской цивилизации и комплекс ценностей «осевого времени». Эти два комплекса взаимодействуют друг с другом сложным образом, часто противостоят друг другу.

Недостаточная исследованность гуманитарных проблем человеческого капитала обнаруживается в некоторых частных

* Исследование поддержано грантом РГНФ 15-06-19698а «Антропология инновационной деятельности и технологии формирования человеческого капитала в современном российском образовании».

областях, правда, наиболее показательных. Взять, например, «эмоциональное выгорание»¹, которое изучается в основном применительно к педагогической деятельности. Однако эмоциональное выгорание, хотя, по-видимому, школьные учителя переживают его наиболее остро, характеризует все без исключения сферы современной интеллектуальной деятельности, которая в XXI в. становится всё более интенсивной.

Если сформулировать нашу проблему в более общем виде, то наиболее очевидны современные противоречия внутри человеческого капитала в конфликте *профессии* и *призвания*, на что обращал внимание ещё М. Вебер. Ведь человеческий капитал по замыслу создателей этого концепта предполагает не только узкопрофессиональные качества, сколько именно призвание. Оказывается, современному работнику совершенно недостаточно быть «холодным профессионалом». Даже простое удержание уровня профессионализма в условиях стремительного научно-технического развития представляет острую проблему. Профессионализм современного работника под вопросом. Для каждого профессионала, даже если он получил в свое время «хорошее образование», существует необходимость постоянно его подтверждать, особенно в старости, когда профессионализм «блекнет». При этом профессиональная безупречность далека от *подлинной полноты бытия* работника. Но именно последняя есть неременное условие возможности полноценного бытия существования человеческого капитала. Работник, стремящийся к профессиональной безупречности, не переживает полноты бытия, он переживает только страх и надежду – страх перед безжалостной профессиональной средой и надежду, что окружающие всё-таки сжалятся.

Однако даже в воспроизводстве и в «автоматическом» восхвалении профессионализма есть опасность. Профессионализм делает субъекта зависимым от оценки «ближнего круга». Стремление «получить одобрение» «ближних» покупается дорогой ценой, оно элиминирует вопрос о честности самоотчета. Неявным образом хороший профессионализм имеет своим идеалом машину, сконструированную в своей основе по декартовским лекалам. Это обстоятельство неожиданно обнаруживается в массовом искусстве (см., напр., фильм «Робот-по-

лицейский» Пола Верховена). Напротив, аксиологический комплекс, который мы наследуем из «осевого времени», а не из ценностей новоевропейской цивилизации, ставит другие горизонты. Гуманитаристика предстает как школа свободы и независимости. Она освобождается от стремления соответствовать машинным лекалам. Обращаясь, скажем, к М. Монтеню, мы видим совершенно другой уровень честности самоотчета, чем тот, который действует в современном обществе. Вот начало Второй книги гл. 10 «О Книгах»: «Нет сомнения, что нередко мне случается говорить о вещах, которые гораздо лучше и правильнее излагались знатоками этих вопросов. Эти опыты только проба моих природных способностей и ни в коем случае не испытание моих познаний; и тот, кто изобличит меня в невежестве, ничуть меня этим не обидит, так как в том, что я говорю, я не отвечаю даже перед собою, не то что перед другими, и какое-либо самодовольство мне чуждо. Кто хочет знания, пусть ищет его там, где оно находится, и я меньше всего вижу свое призвание в том, чтобы дать его. То, что я излагаю здесь, всего лишь мои фантазии, и с их помощью я стремлюсь дать представление не о вещах, а о себе самом; эти вещи я, может быть, когда-нибудь узнаю или знал их раньше, если случайно мне доводилось найти разъяснение их, но я уже не помню его» [11]. Монтень, находящийся еще в поле притяжения традиционной цивилизации, возвращает современному новоевропейскому человеку императив великого философского призыва «Познай самого себя!». В тексте Монтеня, автора XVI века, слово «профессионал» отсутствует. Вместо него он использует, скрыто иронически, слово «знаток». Обратим внимание, сколько аристократизма в дерзком признании Монтенем своей «некомпетентности»! Аристократизм заложен в самом предназначении гуманитаристики. Аристократизм – это и есть любительство в высоком смысле слова. Такого же рода исповедь дилетантского аристократизма выражает известный эпиграф к «Евгению Онегину»: «Проникнутый тщеславием, он обладал сверх того еще особенной гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием в своих как добрых, так и дурных поступках, – как следствие чувства превосходства: быть может, мнимого». Существенна ссылка, даваемая А.С. Пушкиным: «Из частного письма». Аристокра-

¹ См., напр.: [10; 14]. В Интернете есть большая литература по «эмоциональному выгоранию», но она, в основном, содержит банальные советы вроде необходимости укреплять здоровье.

тизм предполагает именно преобладание частной жизни, эпатирующе представленной как «эгоизм»: «себе лишь одному служить и угождать». «Из Пиндемонти» Пушкина являя собой такую апологию частной жизни, собственно философскую. Концепт человеческого капитала в скрытой форме включает в себя начало сознательного дилетантизма. Тем самым человек отстаивает свою самоценность, и предстает не только как средство для производства. Аристократическая самоценность субъекта есть неременное условие человеческого капитала в горизонте действительного творчества, – причем творчества не только средств, но и новых целей.

Таким образом, весь комплекс гуманитаристики (искусство, религия, философия) возникает намного раньше новоевропейской идеи профессионализма, именно ещё «в осевое время» (VIII–II вв. до н.э.), где и складывается сама идея призвания, являющегося обнаружением подлинного аристократизма. Последний оказывается неременным условием действительного человеческого капитала. Причем аристократизм по духу – это вовсе не аристократизм по происхождению. В этом смысле слов, которые можно прочесть в «Деяниях апостола Фомы»:

«Восстань,
И пробудись от сна,
И услышь глаголы познания,
И вспомни, что царский ты сын!
Рабское принял ты иго;
Вспомни о ризе своей златотканой,
Вспомни о жемчужине,
Коей ради послан ты в Египет!» [1, с. 79]

Для новоевропейской цивилизации эпохи индустриализма сам факт существования «призвания» сомнителен. Возможно, что призвания не существует, так же, как не существует любви, – как лжива легенда об андрогинах, так же лжива легенда о том, что Бог предназначил именно этого человека для чего-то определенного, обозначив тем самым его Beruf. Мол, Бог всех людей на земле обдумал, и каждому назначил призвание, но не позаботился о том, чтобы ясно и недвусмысленно сообщить человеку его призвание. Разумеется, таким образом противопоставлять профессию и призвание было бы слишком примитивно. Призвание и профессия внутренне связаны через процедуру профанации. Призвание профанируется в профессии первоначально индустриально-буржуазным образом в стилистике модерна, а затем возникает дальнейшая постмодернистская профана-

ция. Она намечена уже в 20-х гг. XX в. Н.М. Тарабукиным и связывается с радикальным исчезновением образованных классов общества. Исчезают те «эстеты», которые могли бы оценить техническое изделие как произведение искусства. «Делать искусство больше не для кого. Художественное производство стало бессмысленным, беспредметным» [7, с. 7]. Такая ситуация наносит существенный удар по человеческому капиталу. На фоне кажущегося научно-технического прогресса происходит скрытое разрушение глубинных основ творчества. Здесь уместно вспомнить о двух типах педагогики, сложившейся уже в античности: педагогике Прометея и педагогике Гермеса. Прометей стремится дать «пошаговое» знание, которое полезно непосредственно и напоминает инструкцию к стиральной машине. Гермес никогда не сообщает знание в закрытой «инструктивной» форме. Его педагогика уклоняется от прямых ответов на вопросы учащихся. Так Сократ, подобно Гермесу, с помощью наводящих вопросов добивается от ученика, чтобы он сам пришел к знанию, а не получил его от учителя пассивным образом [19, р. 91–96].

Ясно, что по отношению к «пользе» абсолютного духа применительно к человеческому капиталу нельзя ставить вопрос так, как спрашивают о «пользе» пошаговой инструкции к стиральной машине. Если спрашивают, например, о «пользе гуманитаристики» в такой прямой форме, то от него легко уклониться. Мол, от философии, по большому счету, никакой «пользы» нет. Философия затратна и бесполезна. Гуманитаристика представляет собой нечто иное, к пользе не имеющее отношения.

«Тебе бы пользы всё – на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский.
Ты пользы, пользы в нем не зришь.
Но мрамор сей ведь бог!.. так что же?
Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нем себе варишь» [15, с. 234].

Однако введение концепта человеческого капитала безусловно доказывает, что «польза» от гуманитаристики существует. Для понимания этого следует взять другой масштаб времени, что собственно и пытаются сделать концепции человеческого капитала, а также принципиально другое качество субъектов творчества. Речь уже не может идти о среднестатистических массовых способностях к интеллектуальной деятельности, а о *гениальности*, которая и определяет самое ядро человеческого капитала. Речь, таким образом, идет не о званных, а об избранных, (ср. Мф.

22:1–14). Гениальность объединяет физика, естествоиспытателя, художника, а также политика и бизнесмена. Когда речь идет о гениальности, то исчезает тот оттенок «квалификации» и «компетентности» – какого-то количественного измерения, который присутствует при оценке профессионалов, – при составлении различных рейтингов. Утверждение, что, мол, гений – это «талант высшего уровня», принципиально не верно, ибо профанирует гениальность. Идея человеческого капитала, где на первом месте стоит неповторимость творческой индивидуальности, делает количественную оценку неуместной. Постановка вопроса о гениальности в сущности удивительным образом сближается с вопросом о гении в сократовском смысле. Сократовский Даймон всегда шепчет человеку правильное, единственно верное решение. Или – если взять христианскую традицию, – то речь идет об Ангеле-хранителе в интеллектуальном смысле. В терминах К. Юнга можно предположить, что гений, это *обнаружение и воплощение коллективного бессознательного, или – архетипа*.

Гениальность как главное в содержании человеческого капитала, по существу, тождественна позитивной свободе Канта. Вопрос о том, талантлив ли человек, гениален ли он, этот вопрос есть и вопрос о том, призван ли он Богом, или не призван. Таким образом, вопрос о человеческом капитале непременно обретает теологический аспект: вопрос ставится о том, в каких отношениях человек с трансцендентным, – в каких отношениях он с Абсолютом. Таким образом, к гуманитарным наукам, искусству, философии, добавляется ещё и религия, как один из обязательных моментов в гуманитаристике, понятой в широком смысле слова. Вопрос о религиозной призванности (именно о *призванности* идет речь!) – это вопрос о человеческом отношении к абсолютному духу в целом. Гуманитарная образованность дает непосредственный вход в эту область. Гениальность – это эвфемизм для «Beuf» как призвания, – для выяснения человеческого отношения с трансцендентным.

В секулярном обществе призванность к Богу, божественная избранность «автоматически» оборачивается гениальностью, т.е. светской, в известном смысле «материальной» характеристикой человека, – просто физиологией его мозга. – В определенную эпоху нашей истории мозгом В.И. Ленина интересовались именно с физиологической точки зрения. Понятие святости автоматически профанируется как гениальность в

специфической профессиональной области. В светском обществе социально или физиологически детерминированная гениальность в качестве одной из сфер приложения может оказаться в такой культурной резервации как религия. Здесь человек религиозно одаренный или даже религиозно гениальный предстает как святой. Для позитивистского мышления святость оборачивается одной из разновидностей гениальности. Святость предстает как специфическая («профессиональная») гениальность в области религии.

Со сказанным выше связана и ещё одна ключевая особенность действительного эмоционального развития человеческого капитала. Гуманитаристика как свое фундаментальное общее место провозглашает идею высокого покоя души и так преодолевает *страх*. Смелость, бесстрашие являет собой важнейшую нравственную ценность, без которой человеческий капитал невозможен. Особенно отчетливо это измерение бытия обнаруживается на войне, в экстремальных ситуациях, в частности, в кораблекрушениях. «Жертвы легендарных кораблекрушений, погибшие преждевременно, я знаю: вас убило не море, вас убил не голод, вас убила не жажда! Раскачиваясь на волнах под жалобные крики чаек, вы умерли от страха». Недооцененная книга Алена Бомбара [4] о преодолении страха играет для формирования человеческого капитала исключительную роль: способна ли гуманитаристика преодолеть страх? «У одного старика, который был палачом в 37-м, зять спрашивает: сколько человека в человеке? А тот говорит: ножку венского стула в задний проход – и от человека ничего не остается. Одна физика» [2]. Преодолеть страх с помощью интеллектуальных упражнений, с помощью философии и искусства, да и с помощью религии, по существу невозможно. Философствовать можно только в том случае, если в доме тепло натоплено, как говорил В.В. Розанов. Но, всё-таки, – и в блокаду, и в труднейших обстоятельствах – всё-таки гуманитаристика, пускай в качестве некоторой анестезии, – обезболивающего, – некоторого наркотика, способного внешним образом изменить сознание, возможна и необходима. Люди зрелого возраста, пожилые в гуманитаристике находят силы для сохранения и умножения своего человеческого капитала. Для молодого человека одним из важнейших моментов осуществления своего человеческого капитала является преодоление страха. Правда, здесь необходимая для человеческого капитала

смелость обретает иные формы. – Зачем философия человеку молодому, – только что вступающему в жизнь, наполненному нерастраченными силами и нереализованными потенциями? Прежде всего гуманитаристика позволяет преодолеть онтологический страх бытия. Но для молодого человека страх предстает не в таких формах, как страх, возникающий перед стариком. Перед молодым человеком страх предстает как страх *не состояться*, не реализовать свои потенции. Концепт «состояться» для молодого человека – ключевой. Состояться может тот, кто имеет талант, кто имеет способности. Поэтому для человеческого капитала, персонифицированного в молодом человеке, важнейшую роль играет вопрос о наличии индивидуальных способностей. Соответственно, на первое место выходит эвристика – способ, техника, технология выявления, стимулирования, развития своих способностей.

Вопрос об индивидуальной причастности к человеческому капиталу далее разворачивается в плоскость *самоидентификации*. Когда мы идентифицируемся, когда мы выявляем свои особенности, свои отличия, то тем самым свои особенности мы превращаем в свои способности, в свой талант, – в свою исключительность. Причем самоидентификация в интересующем нас аспекте человеческого капитала осуществляется в напряженном положительном эмоциональном отношении к самим продуктам духа, – в любви к этим продуктам. Ведь люди *любят* науку, технику, язык, философию, любят литературу, искусство. Наконец, они любят Бога, что в сущности, может быть интерпретировано как любовь к духу в целом. Существенно, что в этимологии философии, как и филологии есть слово «фило» – любовь. Гуманитаристика есть по существу культивирование любви, причем не только к гуманитарным дисциплинам. Культивирование любви к духу не знает границ между «гуманитарным» и «точным» знанием. Эта любовь особенно отчетливо опредмечивается как любовь к театру, к книге, к культовой архитектуре, к красоте литургий и т.п. К самым великолепным страницам мировой литературы относятся те, где авторы исповедуются в своей любви к отвлеченным представлениям о социальных институтах культуры.

Для русской культуры в этой восторженной апологии по отношению к духу на первом месте стоит В.Г. Белинский: «Театр!.. Любите ли вы театр так, как я люблю его, то есть всеми силами души вашей, со всем энтузиазмом, со всем иступлением,

к которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлений изящного? Или, лучше сказать, можете ли вы не любить театра больше всего на свете, кроме блага и истины? И в самом деле, не сосредоточиваются ли в нем все чары, все обаяния, все обольщения изящных искусств?» [3]. Театр предстает как опредмеченное воплощение самой жизни в гуманитаристике. Ибо каждый социальный институт, по крайней мере, связанный с Абсолютным духом, есть Театр. Гуманитария всегда была и остается до нашего дня своеобразным Театром. Существует социальный институт культуры, все её многочисленные учреждения, которые связывают свое бытийствование с культурой. Они организованы как Театр, они играют Театр Культуры. Искусство, где есть художники и публика, где есть критика и меценаты, конечно же, также предстает как Театр. Религия, где есть Церковь, «Тело Христова», где есть клир и прихожане, где есть литургии, – все это условия бытийствования религиозного Театра. Философия, где есть образование, где есть изучение философии, где есть преподаватели, студенты, где есть механизмы тиражирования, – философия в этом отношении предстает как театральное представление. Всегда есть возможность погрузить дух в жизнь, и тогда получается Театр. Есть и другая возможность – изъять дух из жизни, превратив, например, Театр философии в «полку книг», в библиотеку.

Поэтому любовь к Театру дополняется любовью к Книге. Последняя представляет, по сути, собой Театр «абстрактного общества» в смысле К. Поппера (см. [13]). Эмоционально-положительное отношение к книге высказывалось бесчисленное число раз. Наиболее ярким, возможно, является апология книги у А. Моруа: «Книга ... остается нашим товарищем на всю жизнь. Монтень говорил, что ему необходимы три вещи: любовь, дружба и чтение книг. Но между ними столько общего! К книге можно питать страстную любовь; книги – преданные друзья. И я бы даже сказал, что книги кажутся мне порой умнее, чем их создатели. ... Бальзак, Диккенс, Толстой, Сервантес, Гете, Данте, Мелвилл непостижимыми узами соединяют людей, которых, кажется, ничто не могло бы сблизить. С людьми, которых я никогда не видел, – с японцем, русским, американцем – у меня оказываются общие друзья, и друзья эти – Наташа из “Войны и мира”, Фабрицио из “Пармской обители”, Микобер из

“Дэвида Копперфилда” [12]. Не отстает по своей эмоциональной выразительности от А. Моруа и Х. Борхес: «Год за годом наша память создает разнородную библиотеку из книг или отдельных страниц, чтение которых делало нас счастливыми и радость от их чтения нам было приятно разделить с другими. Тексты в такой личной библиотеке не обязательно самые прославленные. ... Иные гордятся каждой написанной книгой, я – любую прочтенной. ... Я знаю, что роман – жанр не менее искусственный, чем аллегория или опера, но включаю и романы, потому что они тоже вошли в мою жизнь... Книга – вещь среди других вещей, том, затерянный среди других томов, наполняющих равнодушный мир, пока она не найдет своего читателя, человека, которому предназначены ее символы. Из этой встречи и рождается неповторимое чувство, называемое красотой, чудесная тайна, расшифровать которую не под силу ни психологии, ни риторике. “Роза цветет безо всякого почему”, – сказал Ангел Силезий, а Уистлер через несколько веков

заявил: “Искусство существует – и все” [5, с. 283–284]. Список артефактов культуры, к которым высказано безусловно положительное отношение, можно было бы продолжить. Эта любовь и есть как самое наглядное, так и самое глубинное онтологическое основание действительности человеческого капитала.

Итак, человеческий капитал, взятый с позиций гуманитаристики, предстает в самом общем смысле как само царство свободы или царство милосердия [8, с. 666] – как вселенная любви. Любовь культивируется по отношению к артефактам духа, она начинается с любви к идеям, к книгам, к произведениям духа, и переходит на любовь к тем людям, с которыми мы едины в причастности к духу. Для человеческого капитала практически важно, что в нем подводятся *итоги цивилизованности*, связывающие мировую цивилизацию, возникшую в «осевое время», с одной стороны, и новоевропейскую цивилизацию, возникшую в Западной Европе XVII–XVIII вв., с другой.

Список литературы:

- [1] Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. – М.: Наука, 1977. – 320 с.
- [2] Алексиевич С. Свобода – это то, что мы не умеем // Коммерсант.ру. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2264009> (12.08.14)
- [3] Белинский В. Литературные мечтания (Элегия в прозе). – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0310.shtml (11.11.11)
- [4] Бомбар А. За бортом по своей воле. – М.: Альпина Паблишер, 2014. – 234 с.
- [5] Борхес Х.Л. Семь вечеров. (1980) / Пер. с исп. В.С. Кулагиной-Ярцевой // Собрание сочинений в четырёх томах. Том четвертый. Произведения 1980–1986. Посмертные публикации. Издание второе, исправленное. – СПб.: Амфора, 2005. – 590 с.
- [6] Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Том 3. Философия духа. – М.: Мысль, 1977. – 471 с.
- [7] Гройс Б. Предисловие // Тарабукин Н. От мольберта к машине. – М.: Ad Marginem Press, 2015. – 72 с.
- [8] Кант И. Критика чистого разума // Кант Иммануил. Сочинения в шести томах. Т. 3. – М.: Мысль, 1964. – 799 с.
- [9] Корчагин Ю.А. Российский человеческий капитал: фактор развития или деградации? – Воронеж: ЦИРЭ, 2005. – 252 с.
- [10] Куимова М.В., Федоров К.В. Синдром эмоционального выгорания в профессиональной деятельности педагога высшей школы // В мире научных открытий. – Красноярск, 2013, № 1.4 (37). – С. 202–210.
- [11] Монтень М. Опыты. Кн. 2. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://fanread.ru/book/2440035/?page=18> (06.10.16)
- [12] Моруа А. Библиотека / Пер. Г. Шингарева. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/MISC/1/MAUROIS.HTM> (21.03.14)
- [13] Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2-х т. – М., 1992.
- [14] Профилактика синдрома эмоционального выгорания педагогов. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://ppt4web.ru/pedagogika/profilaktika-sindroma-ehmocionalnogo-vygoranija-pedagogov.html> (12.06.14)
- [15] Пушкин А.С. Поэт и толпа // Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 2. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. – 799 с.
- [16] Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Карл Ясперс. Смысл и назначение истории. Издание второе. Перевод М.И. Левиной. – М.: Республика, 1994. – 527 с.
- [17] Becker G.S. Human Capital. – N.Y.: Columbia University Press, 1964.
- [18] Shultz T. Human Capital // The International Encyclopedia of the Social Sciences. – N.Y., 1968, vol. 6.
- [19] Violet D. Regard mythologique sur l'éducation // Societes. – 2000, № 67. – P. 91–96.